

9. Матвеев Г. К. Международное частное право. Киев, 1985.
  10. Бабаев В. К. Советское право как логическая система. М., 1973.
  11. Основы теории государства и права / Под ред. Н. Г. Александрова. М., 1960.
  12. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972;
  13. Общая теория государства и права / Под ред. Д. А. Керимова. Л., 1961.
  14. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2.
  15. Алексеев С. С. Правовое государство – судьба социализма. М., 1988.
  16. Баймаханов М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1972.
  17. Пиголкин А. С. Коллизии законов // Юридический энциклопедический словарь. М., 1987.
  18. Стародубцева И. А. Коллизии конституционного законодательства на уровне субъектов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
  19. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984.
  20. Власенко Н. А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3.
-

Chibizov Vladimir Viktorovich, Post-graduate student of the Faculty of Law, the Kuban State University, Honored lawyer of the Republic of Adygea (149, Stavropolskaya St, Krasnodar, 350040, Russian Federation).

E-mail: vchibizov@gmail.com

FORMALLY DOGMATIC APPROACH TO UNDERSTANDING THE NATURE OF LEGAL CONFLICTS IN THE SOVIET PERIOD

The article deals with the formation of the theory of legal collisions in the domestic legal science in general, in the theory of law, in particular. The author shows that during the Soviet period the main approaches are based on one conceptual basis, which is that legal conflicts have an objective basis, and their resolution and overcoming is possible only on the basis of cooperation of the norms of law.

Keywords: legal collisions; Soviet theory of law; legal doctrine; formal dogmatic method.

УДК 340.12

DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-3-41-49

ДОКТРИНА «СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ» И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Нефедовский Геннадий Викторович аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: advocate-nefedovskii@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется роль доктрины «симфония властей» в современном государственно-правовом развитии. Автор показывает, что в конституционно-правовом развитии два доктринально-правовых основания государственного устройства: 1) кооперативная (симфоническая) и дуалистическая (разделительная). В работе доказывается, что доктрина «симфонии властей» является преемственно воспроизводящейся в российском обществе альтернативой западноевропейской модели

«разделения властей», которая основывается на политико-правовых принципах «сотрудничества» или совместного взаимодействия (солидаристский принцип публично-властного взаимодействия) для достижения общенациональных целей и задач, а также формирования правовых режимов совместной деятельности различных уровней и ветвей при реализации государственной власти и единой правовой политики государства.

Ключевые слова: власть; государство; доктрина; конституционно-правовая модель; право; правовые учения; федеральное устройство.

Доктрина «симфония властей» является ключевым и преемственно воспроизводимым идейно-концептуальным элементом отечественного государственно-правового мышления. Данную доктрину следует рассматривать в качестве идеала, образца, общей формы организации, поскольку конкретно-историческое содержание этой модели и практическое выражение значительно отличаются от исходного образца. В целом это было характерно в ходе институционализации идеи симфоничности и ее развитии в рамках истории отечественного государства и права.

Прав в этом плане Ю. Е. Кондаков, когда отмечает, что «доктрина “симфонии властей” является идеалом, на основании которого строила свои отношения с государством Восточная Православная Церковь... В трудах учителей церкви теория “симфонии властей” была всесторонне развита. Указывалось, что подобное устройство человеческого общества копирует образ небесного управления, сотрудничество церковной и государственной властей напоминает сосуществование в человеке души и тела. Подразумевалось, что церковь и государство взаимодействуют, реализуются в разных сферах. Церковь освещает государственную власть, внушая действовать в христианском духе, государство служит охранителем православной веры и заботится о её распространении (курсив наш – Н. Г.)» [1, с. 6].

Принцип «симфонии» пронизывает современные государственно-правовые учения. В этом аспекте принцип «симфоничности» в современных государственно-правовых доктринах и учениях не сводится исключительно к воспроизводству конкретно-исторических основ взаимодействия государства и церкви. Это узкое, догматическое и историко-правовое толкование идеи «симфонии властей». Можно в этом плане согласиться с Карлом Шмиттом, указавшем, что детальное воссоздание прошлого уничтожает само прошлое, в данном случае позитивность государственно-правового опыта: «Реставрация – это специфический метод уничтожения и разрушение реставрируемого» [2, с. 185].

Основополагающим идейно-смысловым ядром доктрины «симфоничности» является гармонизация и уравнивание различных начал публично-властной системы: духовных, этических, институциональных, светских, религиозных и проч. Причем каждое из этих начал не воспринимается в качестве основополагающего, а только совместно «содействуя», ведет к гармоничной публично-властной организации общества.

В целом можно заключить, что в настоящее время симфония властей в явном (в случаях, когда авторы тех или иных учений и теорий опираются на основные принципы идеи симфоничной организации государственной власти и публично-властного взаимодействия в обществе) или скрытом виде (когда определенная теория воспроизводит ключевые положения «симфоничности», но прямо на это не указывается) выступает в качестве идейно-концептуальной основы развития консервативных политико-правовых учений.

Справедливы здесь утверждения известного историка права И. А. Исаева, который отмечает, что для того, чтобы описать преемственное воспроизводство це-

лостности публично-властной организации, ее воссоздание и развитие на различных этапах государственно-правовой эволюции нужно обратиться «к связующей идее или связующей форме как таковой. В этом случае воля, соглашение, принуждение и другие факторы представляются лишь вторичными и дополнительными» [3, с. 8].

Восприятие верховной власти в качестве консолидирующей и организующей единой публично-властной силы в обществе ориентирует на восприятие последней в качестве системы властных полномочий, реализуемых официальными органами и их должностными лицами [4, с. 98], или в качестве системы официальных властно-правовых отношений [5, с. 16].

Тем не менее, национальным правосознанием государственная власть всегда воспринималась в единстве верховной властной воли (отсюда известное стремление к персонифицированной легитимации, например, главы государства или главы Церкви). Особенно это характерно в значимые для развития российского общества периоды, когда консолидированная и персонифицированная властная воля имела решающее значение. В этом случае государственная власть воспринимается как единое властвующее/верховное начало «самостоятельный субъект... реализуя собственные цели (ведение войны, повышения благосостояния населения, осуществления реформ и т.п.), консолидированный субъект задает социальным институтам нужные режимы функционирования, а в случае реформ выступает и как социальный Демиург» [6, с. 106].

Об этом еще писал и русский дореволюционный юрист В.М. Хвостов: «верховная власть государства в принципе также едина, как и само государство. Она не представляет собою совокупность отдельных полномочий, между которыми существуют пробелы, но есть связанное: единство» [7, с. 15]. Именно эти смысловые коннотации в обосновании современной государственной власти можно встретить во многих современных консервативных государственно-правовых учениях, в доктринальных положениях и официальных позициях (представителей самой государственной власти) [8].

Обобщенно говоря, в национальном правосознании государственная власть воспринимается как совокупность властных отношений составляющих ее субъектов в их единстве и тесном взаимодействии (симфоничности), она функционирует в процессе реализации своих властных полномочий, согласно функциональной направленности и предметам своего ведения, не теряя при этом своего главного свойства – единства и целостности.

Современная конституционно-правая модель организации власти не лишена влияния доктрины «симфонии властей». В современном доктринальном правосознании ключевой доминантой выступает акцентуация внимания на единстве публично-властной деятельности и общих параметрах реализуемой правовой политики. Выше уже отмечалось, что с нашей точки зрения классическая теория разделения властей, предполагающая деление органов государственной власти по функциональной направленности на три ветви власти – законодательную, исполнительную, судебную: с одной стороны, уже не адекватна действующим государственно-правовым реалиям, сложности и многогранности политико-правовой деятельности органов власти; а с другой – не адекватна сложившейся и преемственно воспроизводимой национальной модели организации верховной власти в государстве, которая доктринально воспроизводит идею симфоничности [9].

Дадим пояснения по первому тезису. В современных государственно-правовых учениях и на доктринально-правовом уровне обосновывается усложненная модель разделения властей. Например, ряд авторов настаивают на выделение прокуратуры в отдельную ветвь власти – контрольно-надзорную. О подтверждении данного тезиса свидетельствует и мировая конституционно-правовая практика. Так, известный

конституционалист В. Е. Чиркин обобщает последнюю и отмечает, что в настоящее время происходит «отпочкование» новой ветви власти – контрольной. Этот процесс еще не завершен: в некоторых странах тенденция обособления контрольной власти имеет лишь характер поиска» [10, с. 19].

Развитие средств массовой информации, а особенно интерактивных форм коммуникации, по заключению многих исследователей ведет к формированию альтернативных властных центров, которые также нуждаются в конституционно-правовом и законодательном урегулировании (скорее всего в будущем – в рамках опережающего правотворчества). Речь идет, например, о средствах массовой информации, которые давно уже воспринимаются в качестве «четвертой ветви власти», а также таких новых коммуникативных центров власти (существующих, но ни где не сосредоточенных, размещенных в сети, но оказывающих существенное значение на государственно-правовой процесс, публично-властное взаимодействие в обществе) как e-public network, e-public administration, virtual state, e-democracy, e-services [11, с. 82 – 86].

Другой аспект, на который указывает ряд современных авторов, заключается в том, что сама теория разделения властей – это конкретно-историческая и цивилизационная (в данном случае западноевропейская) модель организации системы государственной власти, которая адекватна и гармонична определенному государственно-правовому опыту. Институционализация и реализация разделения властей в незападных обществах формально прошло успешно, а фактически – или системно дает сбой, или адаптируется к имеющимся традициям и устойчивым моделям публично-властного взаимодействия.

Справедлива в обсуждаемом аспекте позиция Ю.С. Пивоварова, который весьма четко фиксирует как развитие российской государственно-правовой мысли, так и доктринально-правовую сдержанность в формировании национальной модели государственного властвования. Так, он отмечает, что «до сих пор мы не удосужились разработать методологию, с помощью которой можно *адекватно* описать, изучать, анализировать феномен Русского государства. Более того, большинство исследователей даже не подозревают, что Русское государство есть нечто в высшей степени специфическое» [12, с. 35].

С помощью западноевропейской терминологии нельзя описывать другие, незападные типы организации государственной власти, тем более модели и практики государственно-властного взаимодействия. Теряется историческая неповторимость той или иной эпохи [12, с. 42 – 43].

В настоящее время консервативно ориентированные исследователи фиксируют «национально-культурную трансформацию» модели разделения властей, которая связана с акцентуацией внимания на политико-правовых механизмах гармоничного (симфонического) взаимодействия при решении общенациональных задач.

В действующих конституционно-правовых нормах достаточно четко закрепляется западноевропейская модель «разделения властей», которая основной акцент делает на механизм «сдержек и противовесов». В то же время в Основном законе нет положений, определяющих механизм из взаимодействия (режим публично-властного сотрудничества), ничего практически не говорится и о единстве и целостности власти.

Конечно, в п. 3. ст. 5 Конституции РФ фиксируется, что федеральное устройство Российской Федерации в своем государственно-правовом состоянии и политико-правовом функционировании основывается на принципе «государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Тем не менее, с

нашей точки зрения данное конституционно-правовое положение в своей формулировке не усиливает, а напротив ослабляет понимание природы целостности и единства государственной власти.

Термин «система» ориентирует в большей степени на взаимосвязь структурных элементов (уровней, ветвей, органов, властных полномочий) государственной власти, на их взаимодействие и лишь косвенно – на единство правовой политики государства и целостность в реализации общенациональных задач [13, с. 87]. Кроме того, понятие «разграничение» (используемое в ст. 5 КРФ) и дефиниция «разделение» (отраженная в ст. 10 КРФ) при логическом толковании и системном прочтении наоборот обостряют противоречие и противостояние между различными уровнями и ветвями государственной власти. Иными словами, данная модель напротив закладывает в основание государственно-правового процесса разновекторные политико-правовые силы и механизмы, которые не «разрушают» единство государственной воли и общности правовой политики государства.

Иными словами, данная модель изначально предполагает разобщённость, отнесенность отдаленность и автономность функционирования системы государственной власти, и создает на конституционно-правовом уровне механизм, сглаживающий эти противоречия и сложные формы согласования разнообразных властных интересов (публичных, властно-волевых, неформальных и проч.). Отличие системы организации государственной власти на основе доктрины «симфонии властей» заключается, соответственно, в том, что в основание государственно-правовой организации закладывается принцип единения и сплочения разнородных властно-волевых интересов в гармоничное сотрудничество (принцип «соработничества», обсуждаемый выше) в достижении общезначимых целей.

В первом случае нет общей идеократической направленности государственной правовой политики, вторая модель исходит напротив из необходимости формирования доктринальных и идеократических оснований совместного «соработничества» и «социально-властного единения» (И.А. Ильин). Справедливо в этом плане отмечает Ю.С. Пивоваров, что «constitutional state возникает в обществе посюстороннего консенсуса, где религия – частное внутреннее дело человека... содержание современного Запада – христианская полисубъектность, полагающая отношение человека с Богом делом сугубо внутренним, личностным, интимным (*вообще принцип интимности, приватности и, соответственно, разделённости и индивидуальности, становится основополагающим в социально-экономической и политико-правовой организации – Г.Н.*). И потому общественный договор, социальный консенсус строится здесь относительно ценностей “предпоследних” (политических, правовых, экономических и т. п.). Религиозно-метафизическое выделено за пределы социального порядка, выделено за штат (дословно: за Staat, State, Etat)» [12, с. 38].

При этом именно формальные конституционно-правовые рамки обеспечивают интеграцию идеократически пустых политико-правовых форм и создают воображаемую нацию, не основанную ни на каких духовно-нравственных, религиозных и прочих метаюридических и метаполитических основаниях [14]. Следовательно, сущность и значение государства, гражданских институтов и собственно человека «зашифровано» в конституционном тексте. Познать природу последних возможно через верное толкование текстуальных оснований конкретной конституционально-правовой общности.

Не случайно, в современном западноевропейском государственно-правовом дискурсе речь идет о неолиберальной конституционно-правовой интеграции идеологически и социально-культурно пустых форм, моделей взаимодействия. При этом любая публичная активность больше не связываются с метаюридическим (идеократическим) нормированием, а подчиняется общей (стандартизированной) «конститу-

ционно-правовой идентичности» [15]. Здесь конституционно-правовые рамки задают общие границы разделения, самостоятельности (индивидуации), конфликтности (социальной и политической борьбы, экономической конкуренции и проч.), границы терпимости, лишённые религиозно-этнических параметров, а также формируют процедурные рамки публично-властной коммуникации вне «культурной и этнической идентичности» [16].

Таким образом, конституционно-правовая формулировка «разделения» ориентирует на разобщённость государственной власти по горизонтальной организации, а понятие «разграничение», соответственно, разъединяет её по вертикальному принципу. При этом «злоупотребление» этими конституционно-правовыми положениями в реальной юридической практике ведёт с неизбежностью как к противоречиям между ветвями власти по функциональному признаку и объёму властных полномочий, так и к противостоянию и конфликтам по поводу компетенции уровней государственной власти.

Если к этому добавить общую проблему единства публичной власти, то ситуация весьма тревожна. Напомним, что в ряде случаев местное самоуправление (как это на протяжении многих лет отмечает Президент РФ), «перетягивает» на себя отдельные полномочия государственной власти, или вообще, в ряде случаев, подменяет последнюю на местах, то проблема единства системы публичной власти и целостность правовой политики государства обостряется ещё больше.

В современных доктринально-правовых разработках, как отмечалось выше, западноевропейская модель разделения властей дополняется принципом «симфоничности», т. е. взаимодействия ветвей власти при осуществлении функций государства и реализации единой правовой политики государства, принцип разграничения власти – традиционной идеей «сорботничества», которая предполагает, что каждая ветвь власти и каждый уровень государственной власти должны оказывать поддержку друг другу при осуществлении общенациональных задач и разрешении цивилизационных рисков [17, с. 70].

Выше уже отмечалось, что для национального правосознания все три ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная) носят на себе «индивидуальный характер», и, если все данные ветви власти оставлены «сами себе», то общественный организм неминуемо ждёт политический и правовой кризис [18]. Стабильность и устойчивость государственного строя и публично-властного взаимодействия должна, как отмечали дореволюционные консерваторы [19], основываться на *симфоничности управительных ветвей власти*, которую обеспечивает именно «верховная власть» [20]. При этом последняя становится выразителем исторических и психологических принципов государственной власти, является символом, связывающим государство и общество, «лишь при этих условиях государственно-правовой строй может получить правильное прогрессивное развитие» [21, с. 296].

Схожие политико-правовые характеристики дают и современные исследователи. Так, В. Е. Чиркин отмечает, что конституционный политико-правовой статус Президента РФ «имеет арбитражно-консолидирующий характер, как власть главы государства» [17, с. 71]. При этом известный исследователь утверждает, что российская конституционная модель организации высших органов государственной власти представляет собой уникальный, специфический вид, не похожа ни на парламентскую республику, ибо здесь президент – символ государства, и действует по согласию с парламентом, ни на президентскую, т. к. в данном случае он является главой исполнительной власти.

Вообще в отечественном правосознании «государство персонифицируется прежде всего в представителе верховной власти, и не случайно, судя по данным многих социологических исследований, постсоветское правосознание устойчиво воспро-

изводит традиционную ось взаимодействия “народ – верховный правитель”. Весь государственный аппарат при этом воспринимается населением лишь как элемент, необходимый “верховному правителю” (в современных условиях – президенту) для реализации его функций и самому народу чуждый. То есть власть как бы делегируется “верховному правителю”, после чего люди полностью отстраняются от любых форм участия в ней, сосредоточиваясь на своем микромире» [22, с. 34 – 35].

В современной конституционно-правовой модели, с позиции другого современного исследователя О. В. Мартышина, президентская власть, существующая наряду с тремя другими, получила своеобразное, «совершенно неюридическое и неудачное во всех отношениях, в том числе и в стилистическом, определение» [23, с. 13]. Попытка совместить несовместимое, т.е. традиционные воззрения на верховную власть и западноевропейскую модель разделения властей, привели к становлению совершенно специфической системы государственного властвования, формально-юридически отвечающей всем основным достижениям западноевропейской демократии, а реально функционирующая в своем особом государственно-правовом режиме.

Отметим и другую проблему. Так, при формулировании предметов ведения федерального уровня государственной власти и уровня государственной власти субъектов Российской Федерации (ст. 5, 11, 71 Конституции РФ) лишь вскользь говорится о предметах совместного ведения и «полноте государственной власти» и практически ничего не говорится о совместной реализации общей правовой политики государства на всей территории Российской Федерации.

Отсюда, как справедливо замечает В.А. Черепанов, как на конституционно-правовом, доктринально-правовом уровнях, так и «в конституционной практике сложилось реальное противоречие между федеральной системой и образующими ее субъектами по поводу разделения государственной власти» [24, с. 45]. Причем центральной проблемой в реализации современной правовой политики, по заключению исследователя, является вопрос не столько о разделении, сколько о единстве последней, поскольку «разделительная» тенденция, существующая в современной российской государственности, становится «отличительной чертой российской модели» государственного устройства [24, с. 30].

В целом следует отметить, что в конституционно-правовом опыте существуют и реализуются две типические модели государственного устройства: кооперативная (симфоническая) и дуалистическая (разделительная). В первом случае речь идет о политико-правовых принципах «сотрудничества» или совместного взаимодействия (солидаристский принцип публично-властного взаимодействия) для достижения общенациональных целей и задач, а также формирования правовых режимов совместной деятельности различных уровней и ветвей при реализации государственной власти. В истории российской государственности доминировали традиционно симфонические принципы [25].

В свою очередь, вторая модель, постулирует четкое разграничение предметов ведения, прав и ответственности при осуществлении государственной власти и формально-процедурные правовые режимы согласования различных властно-политических интересов. В постсоветской истории государственного строительства доминировала первая модель, в настоящее время активизировались доктринально-правовые разработки институционально-правового оформления второй модели, построенной на принципах симфоничности и солидаризма, что в целом адекватно национальному государственно-правовому опыту.

Однако в настоящее время существуют совершенно разные и противоречивые доктринально-правовые разработки данного институционально-правового оформления симфонической модели организации публичной власти в современном рос-

сийском государстве [26, с. 30 – 37]. Анализу данных доктрин, концепций и подходов, доминирующих в постсоветском государственно-правовом дискурсе, следует посвятить отдельное системное исследование.

Литература

1. Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» – четыре века испытания на прочность (государственная власть и церковные реформы в России XVI – XIX веков). СПб.: Изд-во РГПУ им А.И. Герцена, 2006.
2. Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947 – 1951. В.: Duncker & Humbolot, 1991.
3. Исаев И. А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние: монография. М., 2013.
4. Малый А. Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. 2001. № 3.
5. Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственоведения. М., 1994.
6. Розин В. М. Юридическое мышление. Алматы, 2000.
7. Хвостов В. М. Общая теория права. СПб., М., Варшава, Вильно, 1914.
8. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Государственная власть: парадигма, методология, типология: монография. В 2-х частях. М.: Юрлитинформ, 2013.
9. Конституционное право / Под общей редакцией П. П. Баранова, А. Ю. Мамычева. М., 2017.
10. Чиркин В. Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4.
11. Мамычев А. Ю. Электронное государство и сервисная концепция модернизации публично-властной деятельности: архитектура и перспективы развития // Юрист-Правоведъ. 2015. № 5 (54).
12. Пивоваров Ю. С. Россия: государство, легитимность, конституция // Политические институты России и Франции: Традиции и современность: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Отв. Ред. Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю. М., 2014.
13. Чиркин В. Е. Конституция: российская модель. М., 2002.
14. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.
15. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2008; Он же. Расколотый Запад. М., 2008.
16. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.
17. Чиркин В. Е. Новые подходы к теории современного государства и федерализма // Общественные науки и современность. 2003. № 3.
18. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000;
19. Солоневич И. Народная монархия. М., 2003;
20. Тихомиров Л. А. Россия и демократия. М., 2007.
21. Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М., 2002.
22. Тихонова Н. Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. №3.
23. Мартышин О. В. Конституция российской федерации 1993 г. как памятник эпохи // Государство и право. 2004. № 4.
24. Черепанов В. А. Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской федерации и ее субъектами. М., 2003.
25. Овчинников А. И., Федоренко С. П. Российская государственность: история и современность. Ростов-на-Дону, 2017.
26. Овчинников А. И., Бойко Н. А., Гасанова З. Г. Консервативные проекты государственного развития России в XX веке // Философия права. 2017. № 1 (80).

Nefedovskiy Gennady Victorovich, graduate student, South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: advocate-nefedovskii@mail.ru.

THE "SYMPHONY OF AUTHORITIES" DOCTRINE AND MODERN FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Abstract

In article the doctrine role "the symphony of the authorities" in modern state and legal development is analyzed. The author shows that in constitutional and legal development two doctrinal legal grounds of a state system: 1) cooperative (symphonic) and dualistic (dividing). In work it is proved that the doctrine of "the symphony of the authorities" is the alternative Western European model "division of the authorities" which is reproduced in the Russian society which is based on political legal principles of "co-working" or joint interaction for achievement of the national purposes and tasks, and also formation of legal regimes of joint activity of various levels and branches at realization of the government and uniform policy of law of the state.

Keywords: power; state; doctrine; constitutional and legal model; right; legal doctrines; federal device.

УДК 347.51

DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-3-49-54

МОРАЛЬНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Иванников Андрей Иванович аспирант юридического факультета, Южный федеральный университет (344002, Россия, ул. Горького, г. Ростов-на-Дону, д. 88).
E-mail: weide02@gmail.com

Аннотация

В статье выявлены общие и отличительные особенности права и морали, моральной и юридической ответственности, показана универсальность института ответственности в обществе. Универсальность не присуща моральной и юридической ответственности. Универсальность присуща лишь социальной ответственности вообще, как явлению, без которой невозможен социальный порядок, само существование общества.

Ключевые слова: ответственность; мораль; моральная ответственность; право; юридическая ответственность; социальная ответственность; собственность; правовое государство.

Ответственность возникла до государства, вместе с обществом. Она свойственна всем обществам. Термин «ответственность» имеет различный смысл. В одних случаях за этим термином стоит «долг», «обязанность», а в других – «наказание». С древнейших времен существуют такие виды социальной ответственности как личная ответственность, групповая, общинная, племенная. С возникновением государства и права возникла юридическая ответственность, потом – национальная, эстетическая, моральная, политическая, религиозная, партийная и другие. В любом обществе и государстве проблема ответственности была и остается актуальной. Во